

Слово в дань уважения к Игорю Кону

Игорь Кон был не только уважаемым коллегой, великим социологом, социальным психологом и сексологом, а для меня — не только близким другом, но практически братом, духовным братом. Я знал о нем и его работе задолго до встречи с ним на Конгрессе Международной социологической ассоциации в шведском городе Упсала в 1970-х. Мы искали друг друга. Узнав друг друга по бейджикам, мы спешно покинули здание, где проходила какая-то сессия, и жадно беседовали по меньшей мере два часа, выпрашивая друг друга о жизни, ибо каждый из нас уже воспринимал второго как “другого Кона” (у нас одинаковые фамилии с точностью до алфавитов). Случайно вышло так, что он родился Коном-русским, а я — Коном-американцем. Вполне могло выйти и наоборот. Каждый из нас хотел узнать о жизни и условиях жизни, которую мог прожить, если бы родился на другой половине планеты.

У меня много воспоминаний о моем добром друге и уважаемом коллеге Игоре, но одним я дорожу особенно, так как оно очень ярко характеризует этого великого ученого и человека. Это случилось в 1988 году, во время первого визита Игоря в Соединенные Штаты, на Конференцию Американской социологической ассоциации. Я привел его на прием, где присутствовали по большей части старшие чины Ассоциации, и познакомил его со многими людьми, чьи имена, как мне казалось, могут быть ему известны — в конце концов, он был специалистом, среди прочего, по американской социологии, и я знал о его практике обзирать издаваемые в США книги по социологии и социальной психологии. Я также знал, что наш общий друг (и мой ментор по психологии) Ури Бронфенбреннер нескончаемым потоком слал ему книги в рамках их общего усилия поддерживать информированность русских ученых об исследованиях американских коллег в их областях науки. Хотя русские ученые не могли читать книги на языке оригинала, им удавалось узнать о них очень многое из обзоров Игоря. Поэтому меня не удивило, когда оказалось, что Игорь читал книги многих из тех, кому я его представлял. Удивило меня другое: Игорь прочел и запомнил суть гораздо большего количества книг, чем те, что я когда-либо читал или вообще знал об их существовании. Более того, в каждой дискуссии Игорь рассказывал польщенным авторам, что ему особенно понравилось в их книгах, и о своих пожеланиях касательно их дальнейшей работы. Он был ходячей энциклопедией американской социологии (которая, разумеется, была лишь одним из направлений его исследований). И тут, после всех многочисленных демонстраций обширности и глубины его познаний в американской социологии, я представил Игоря человеку, который его озадачил. Игорь сказал этому человеку, что его имя ему знакомо, но, к стыду своему, он не помнит, что этот человек написал. Мне пришлось сдерживаться, чтобы не рассмеяться. Человек, с которым я познакомил Игоря, был не ученым, а администратором, и я знал, что он в жизни ничего не опубликовал. Если бы он опубликовал хоть что-то, что угодно, Игорь это прочел бы, запомнил бы и смог бы дать содержательную оценку теоретических и методологических аспектов этой работы. Этот человек, этот друг, был ученым, которого я мог уважать и даже почитать (и так и делал), и я пытался подражать ему без малейшей надежды сравниться с ним. Мировая социология потеряла, однако может продолжать ценить одну из своих самых благородных фигур, подлинного Ученого с большой буквы.

МЕЛ КОН, 30 апреля 2011 года